

можетъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ сократить размѣры своихъ ссудъ, или даже остановить ссуды по нѣкоторымъ акціямъ, особенно, если дѣла ихъ компаній принимаютъ дурной оборотъ. Ясно, что, при нахожденіи подобныхъ акцій въ основномъ фондѣ поземельнаго банка государственный банкъ будетъ стѣсненъ въ свободѣ своихъ распоряженій, имѣя къ первымъ такую близкую связь. Наконецъ, государственный банкъ, въ случаѣ несостоятельности поземельнаго, можетъ очутиться въ прямой опасности. Реализація такихъ бумагъ, какъ акціи, выкупныя облигаціи и пр. можетъ быть часто не только затруднительна, но и невозможна. Еще занимательнѣе будетъ положеніе правительства, производящаго во время затрудненій поземельнаго банка платежи по его облигаціямъ. По проекту устава, цѣнности основного фонда могутъ быть во всякое время замѣняемы иными цѣнностями равнаго достоинства, такъ-что собранный учредителями капиталъ въ наличныхъ деньгахъ, пожалуй, очень скоро замѣнится какими-нибудь акціями, и уже навѣрное облигаціями самого банка, стоимость которыхъ легко можетъ много упасть, несмотря на то, что они принимаются въ фондѣ по нарицательной цѣнѣ. Подобная смѣна цѣнностей фонда дастъ возможность и поводъ ко всякимъ спекуляціямъ. При извѣстномъ составѣ фонда изъ какихъ-нибудь трудно-реализируемыхъ бумагъ и акцій, фондъ послужитъ едва-ли не номинальнымъ обезпеченіемъ платежей по облигаціямъ, вся тяжесть котораго упадетъ на круговую поруку заемщиковъ. Не перечисляемъ другихъ привилегій поземельнаго банка, намѣревающагося имѣть государственный гербъ на своей печати и быть освобожденнымъ ото всякаго рода пошлинъ. Изъ сказаннаго нами уже достаточно-видно, что проектъ поземельнаго банка—дѣло не серьезное, а скорѣе шутка, мистификація.

Въ ночь съ 17 на 18 февраля умеръ въ С.-Петербургѣ, отъ аневризма, одинъ изъ редакторовъ «Современника», извѣстный писатель И. И. Панаевъ. Во времена такъ называемой натуральной школы, повѣсти г. Панаева «Тя, Актеонъ и пр.» имѣли свое значеніе и принесли свою пользу. Къ послѣднему періоду дѣятельности г. Панаева мы были болѣе, чѣмъ равнодушны.

Во «Времени» сообщаютъ, что характеръ покойнаго представлялъ много симпатическихъ сторонъ: онъ былъ добръ, спо-

собенъ на самоосужденіе и проч. Впрочемъ теперь не время постановлять рѣшительнаго отзыва о покойномъ. Говорятъ, что жизнь Панаева далеко не была счастливою, — миръ его праху.
